

«ЖИВОЕ» САМОДЕРЖАВИЕ, АФРИКА
И АЗИЯ: К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ
ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
В РОССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В.

В конце 1888 и начале 1889 г. российская и западная (особенно французская) пресса заинтересованно обсуждала необычный эпизод — попытку Н. И. Ашинова, выдававшего себя за «атамана вольных казаков», основать на берегу Красного моря станицу «Новая Москва» и завязать связи с «единоверной Абиссинией» (Эфиопией). Вслед за созданием Абиссинского казачьего войска Россия, по мысли «атамана», должна была развернуть масштабные действия на Северо-Востоке Африки — начать экономическое освоение континента, помочь «черным единоверцам» в борьбе против мусульман и западных колонизаторов¹. При всей фантастичности подобных планов, они не остались в истории России лишь как курьез, мимолетный эпизод «злобы дня». Нача-

¹ Подробное описание предприятия Ашинова содержится в неопубликованных воспоминаниях капитана Н. Я. Нестерова, одного из сподвижников «вольного казака», хранящихся в архиве Института восточных рукописей в Санкт-Петербурге (Разр. Ш. Оп. 3. Д. 36). Об экспедиции повествует книга «Абиссинская миссия архимандрита Паисия и Н. И. Ашинова» (Одесса, 1889), написанная от имени некоего Л. Николаева, но, видимо, также составленная Нестеровым. История экспедиции на берега Красного моря рассматривается в книге А. В. Луночкина «Атаман вольных казаков» Н. И. Ашинов и его деятельность» (Волгоград, 1999).

ние Ашинова многими было воспринято всерьез. Его поддержали известные журналисты — М. Н. Катков и И. С. Аксаков — а также ряд влиятельных государственных деятелей: обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, командующий Императорской главной квартирой О. Б. Рихтер, морской министр адмирал И. А. Шестаков, брат царя, председатель Православного Палестинского общества великий князь Сергей Александрович. Проявлял интерес к предприятию Ашинова и сам Александр III.

Несмотря на трагифарсовый характер и печальный финал экспедиции Ашинова («вольный казак» и его соратники на берегу Красного моря были обстреляны французской эскадрой и принудительно вывезены в Россию), курс на продвижение России в Эфиопию получил развитие в 1890-е гг. В «страну черных христиан» отправилось несколько полуофициальных экспедиций, в 1897 г. прибыла официальная миссия во главе с действительным статским советником П. М. Власовым, а в 1902 г. было учреждено постоянное представительство. «Ашиновский эпизод», таким образом, отразил важные тенденции политической эволюции России во второй половине XIX в. В нем нашли воплощение многие особенности общественного сознания, духовной жизни страны, отчасти — официальной идеологии в пореформенную эпоху. Наметившиеся во второй половине 1880-х гг. тенденции получили дальнейшее развитие в последние годы XIX и первые годы XX в., заметно повлияв на судьбу российской монархии в эпоху войн и революционных потрясений.

Отправной точкой развития процессов, о которых пойдет речь, можно считать события середины — второй половины 1870-х гг. — восстания славян на Балканах и начало очередного Восточного кризиса, русско-турецкую войну 1877–1878 гг., Берлинский конгресс — существенно изменившие положение России на международной арене. Скептическое, а то и открыто негативное отношение европейских государств к восстаниям славян и к попыткам России поддержать повстанцев было воспринято значительной частью русского общества, прежде всего консерваторами, как проявление исконной вражды Запада к русским. «Здесь жидовствующие журналы дышат огнем негодования на несчастных христиан, — писал в 1875 г. будущий обер-прокурор и воспитатель наследника престола К. П. Победоносцев своей доверенной собеседнице Е. Ф. Тютчевой из Австро-Венгрии

по поводу восстания в Боснии и Герцеговине. — Политика и дипломатия стремятся затушить поскорее вспыхнувший огонь»². Реакция держав на балканские события углубила нараставшее со времен Крымской войны в консервативных кругах чувство одиночества России, ее изолированности на международной арене. «Как давно, — наставлял Победоносцев наследника престола накануне войны с Турцией, — нам надо было понять, что вся наша сила в нас самих, что ни на одного из так называемых друзей и союзников нельзя нам положиться, что всякий из них готов на нас броситься в ту же минуту, как только заметит нашу слабость или ошибку»³.

Тяжелейшим ударом для русского общества, в первую очередь — для консервативных, национально ориентированных кругов стал Берлинский конгресс, на котором, как известно, западные державы выступили фактически единым фронтом против России, заставив ее пересмотреть итоги тяжело давшейся ей войны с Турцией. После конгресса, по мнению многих современников, следовало говорить уже не просто о дипломатической изоляции России, а о принципиальном, цивилизационном и социокультурном расхождении путей ее развития с Западом. «Кривде и наглости Запада по отношению к России и вообще к Европе Восточной нет ни предела, ни меры», — восклицал в июле 1878 г. И. С. Аксаков в своей знаменитой речи о Берлинском конгрессе, а известный публицист С. А. Юрьев писал ему по поводу этой речи: «Ваше слово есть поворотная точка в развитии русского сознания. Оно ясно, неопровержимо сказало и доказало русскому сознанию, что злодейский Берлинский трактат есть последнее слово, завершение и конец петербургского периода русской истории; что после этого конгресса русский народ не может идти рука об руку с Петербургом»⁴. Заявления о том, что русские и близкие им по ду-

² Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — НИОР РГБ). Ф. 230. К. 4408. Ед. хр. 10. Л. 14 (письмо от 11 августа 1875 г.).

³ Письма Победоносцева к Александру III. Т. I. М., 1925. С. 56 (письмо от 18 октября 1876 г.).

⁴ Речь И. С. Аксакова о Берлинском конгрессе и его последующая ссылака в письмах и документах июня — ноября 1878 г. Публикация Д. А. Бадаляна // Цензура в России: история и современность. Сборник научных трудов. Вып. 6. СПб., 2013. С. 385 (письмо от 19 июля 1878 г.).

ху славяне — это «изгой» и «парии», что европейские народы, упоенные мнимым блеском своей цивилизации, не воспринимают их как равных себе — эти заявления, в принципе характерные для русских консерваторов, начинают в период после Берлина звучать особенно часто и отчетливо⁵.

Одновременно со стремлением переосмыслить роль России на международной арене в консервативных кругах усиливаются попытки отыскать «скрытую правду» в среде, максимально удаленной от испорченного европеизированного общества, — среди «простого народа». Мотив открытого противопоставления «верхов» и «низов» постоянно повторяется, в частности, в письмах Победоносцева наследнику в период русско-турецкой войны. Тяжесть военных действий, наставлял будущий обер-прокурор своего воспитанника, вынесла на себе, по сути, «одна земляная сила, одна крепкая грудь массы, грудь русского солдата, на которую мы привыкли полагаться исключительно»⁶. Деструктивным началом были пронизаны, по сути, все действия образованных «верхов» — в том числе речи и выступления достаточно близкого к Победоносцеву И. С. Аксакова, в которых российский консерватор видел неуместные проявления эгоцентризма, оторванности от народа, горделивого стремления быть пророком и вести за собой общество. «Одно сохраняет вид свой, — утверждал будущий обер-прокурор в письме Е. Ф. Тютчевой, — это маленькие, скрытые люди... Младенцу открыт вход

⁵ Европу «прельщает раззолоченный костюм этих рыцарей государственного шляхетства — Венгров и Поляков», писал в 1876 г. Победоносцев своей доверенной корреспондентке О. А. Новиковой по поводу выступлений русских консерваторов в защиту восточнославянского населения Галиции и Закарпатья в Австро-Венгрии и Западного края в Российской империи. Между тем «борьба с Польским и Венгерским элементом в сущности есть борьба за свободу против самого ужасного насилия, борьба за права париев — против касты браминов» (НИОР РГБ. Ф. 126. К. 8479. Ед. хр. 3. Л. 15 об — 16. Письмо от 3 декабря 1876 г.). В 1888 г., отвечая на заявления европейской общественности о религиозных гонениях в России, обер-прокурор утверждал: в Европе «провозглашают свободу для всех вероисповеданий и для всякого племени в принципе, но когда коснется дело до применения этого принципа, из него исключаются православные — илоты западной цивилизации» (Адрес Евангелического союза императору Александру III // Вера и разум. 1886. № 6. Март. Кн. 2. С. 128).

⁶ Письма Победоносцева к Александру III. Т. I. С. 72 (письмо от 17 сентября 1877 г.).

в царство, и то, что утаено от премудрых и разумных, открыто младенцу»⁷.

Все попытки формализовать, институционализировать связь монарха с народом, на которые возлагалось столько надежд в эпоху Великих реформ и которые чуть было не увенчались введением представительства в конце царствования Александра II, воспринимались консерваторами резко негативно — как порождение «великой лжи нашего времени», бьющие по тому самому народу, интересы которого они должны были защищать. Особенно усилились эти настроения после гибели в 1881 г. Царя-Освободителя от руки террориста. В какой бы форме ни замышлять представительство, провозглашал в передовой «Московских ведомостей» в апреле 1881 г. М. Н. Катков, «оно всегда окажется искусственным и поддельным произведением и всегда будет более закрывать собой, нежели открывать народ с его нуждами»⁸. В рассуждениях консерваторов представительные органы представляли как плод абстрактного, оторванного от жизни социального конструирования, чьи действия оказывались разрушительны для государственного порядка. Введение выборов, утверждали консерваторы, дробит власть на множество не связанных друг с другом фрагментов, каждый из которых бессилен сам по себе. Реальное влияние в этих условиях обретают те, кто сможет прибрать к рукам максимальное количество подобных фрагментов, т. е. ловкие демагоги, парламентские махинаторы, закулисные дельцы, которые подвергают

⁷ НИОР РГБ. Ф. 230. К. 4408. Ед. хр. 13. Л. 30 (письмо к Е. Ф. Тютчевой от 12 июля 1878 г.). Отметим, что метафора детства и связанные с ней представления о первозданной чистоте, невинности, высокая оценка этих качеств были в целом очень характерны для Победоносцева. «Утверждают, что русский народ в отношении знаний, просвещения — младенец, — говорил он посетителям книжного магазина М. О. Вольфа, игравшего роль своеобразного политического салона в Петербурге. — И пусть: что может быть прелестнее, завиднее невинного, неспорченного младенца!» (Либрович С. Ф. На книжном посту. Пг. ; М., 1916. С. 318). По воспоминаниям современников, лучше всего обер-прокурор чувствовал себя среди детей. Для произнесения программных речей он нередко выбирал учебные заведения (обычно средние). Одним из излюбленных его начинаний была Свято-Владимирская женская учительская школа для девочек-крестьянок в Петербурге, в которой он проводил много времени и при церкви которой он, согласно завещанию, был похоронен.

⁸ Московские ведомости. 1881. 30 апреля. № 119 (Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1881. М., 1898. С. 214).

народ диктату и эксплуатации гораздо худшим, чем власть любого авторитарного правителя, и ввергают страну в хаос.

Интеллигенция, в особенности ее провинциальный сегмент и прежде всего люди «свободных профессий», рассматривалась консерваторами как главный носитель описанных выше деструктивных тенденций. Именно эти люди, по мнению сторонников неограниченной монархии, мечтали играть в будущем роль парламентских трибунов, столь разрушительную для общественной стабильности, были максимально подвержены воздействию занесенных с Запада теорий. «Основы нашего быта непоколебимы и здравы... — писал Катков еще в 1878 г. — Но есть какая-то искусственно вносимая в наш организм немощь... Где в нашей народной жизни выступают живые ее силы, там творятся чудеса, там чувствуется благодать Божия. Но как только заговорит и начинает действовать наша интеллигенция, мы падаем»⁹. Наряду с интеллигенцией не менее резким нападкам в выступлениях сторонников монархии 1870–1880-х гг. и более позднего периода подвергались бюрократия, чиновничество. На первый взгляд это могло показаться странным с учетом того, что именно бюрократия составляла стержень управленческого аппарата самодержавия, как и любой другой авторитарной формы власти. Однако в заявлениях консерваторов была своя логика.

Чиновничество подвергалось в их рассуждениях критике как сила мертвенная, оторванная от живых источников народного консерватизма и способная в силу этого — не в меньшей степени, чем интеллигенция, — подвергнуть традиционный веками формировавшийся общественный уклад губительному реформированию на основе абстрактных идей, чуждых заветам отечественной истории. Собственно, Великие реформы, важнейшей движущей силой которых, как известно, была либеральная бюрократия, как раз и являли в глазах многих современников негативный пример подобных преобразований. Кроме того, бюрократический аппарат, действуя в рамках формальных институтов, на основе определенных норм и регламентов, был способен парализовать свободу действий отдельных талантливых руководителей и, что самое главное, — де-факто ограничить и даже исказить волю самого царя. В связи с этим нападками на бю-

⁹ Московские ведомости. 1878. 1 апреля. № 85 (Катков М. Н. Собрание переводов статей «Московских ведомостей». 1878. М., 1897. С. 154–155).

рократию были буквально переполнены сочинения самых разных консерваторов — Р. А. Фадеева, В. П. Мещерского, Победоносцева, не говоря уже о славянофилах (И. С. Аксаков) и близких им авторах. Однако в подобной ситуации вставал вопрос: если система власти в стране должна была оставаться самодержавной, не связанной никакой формой постоянного представительства, а на бюрократию рассчитывать не приходилось, то как же в таком случае следовало организовать процесс управления? На каких началах он должен был функционировать?

Ответом на этот вопрос были рассуждения и рекомендации, предлагавшие монарху реализовать систему управления, которую можно определить как «живое» самодержавие¹⁰. Наибольшее практическое влияние на ход государственных дел оказал вариант «живого» самодержавия, продвигавшийся Победоносцевым. По мнению знаменитого консерватора, стержнем системы управления в России должна была стать личная, ничем не ограниченная власть царя, призванная пронизывать все этажи и уровни государственного аппарата, выступая в качестве его главной движущей силы. «Вся тайна русского порядка и преуспеяние — наверху, в лице верховной власти... — наставлял будущий обер-прокурор наследника престола. — Ваш труд всех подвинет на дело, ваше послабление и роскошь зальет всю землю послаблением и роскошью»¹¹. Монарх и его доверенный советник (в роли которого Победоносцев, естественно, видел себя) должны были непрерывно трудиться, «отдавать себя работе, которая сожигает человека», непосредственно решая самые разные управленческие вопросы и лично общаясь с людьми — как с подданными разных сословий, так и с работниками правительственных структур.

Монарх, помимо личного участия в делах управления, должен был пребывать в духовном единении с народом — опираться

¹⁰ Выражение «живое народное самодержавие» используется в книге Р. А. Фадеева «Письма о современном состоянии России» (1879), которая, по точному замечанию Н. Ф. Гриценко, хотя и не легла в основу официальной идеологической доктрины при Александре III, но довольно точно «отражала вектор идейных поисков верховной власти» (Гриценко Н. Ф. Консервативная стабилизация в России в 1881–1894 гг. М., 2000. С. 48, 52). О «народном самодержавии» писали также В. П. Мещерский и И. С. Аксаков.

¹¹ Письма Победоносцева к Александру III. С. 57 (письмо от 12 октября 1876 г.).

на церковь, поддерживать традиционный религиозный уклад общества, заботиться о нравственном здоровье народа и о просвещении в правильном, соответствующем историческим традициям духе. В принципе, многое из того, что составляло содержание государственной политики при Александре III, представляло собой реализацию взглядов, выработанную консерваторами накануне его вступления на престол и в начале правления. Влияние идей «живого самодержавия» прослеживалось в попытках царя укрепить свою личную власть, сделать ее независимой от бюрократии, от официальных институтов, в той или иной степени проводить политику при опоре на консервативную инициативу «снизу». К концепциям консерваторов восходили меры по укреплению роли церкви в жизни общества, стремление выявить исконные, самобытные начала духовной жизни России, не искаженные западными идеями, и положить их в основу официальной идеологии¹². Хорошо известно, насколько заметно в идеологических начинаниях эпохи Александра III — смысловом наполнении церковных и общественных торжеств, придворных церемониалов, официальных монументах, программах массового церковного строительства — звучали апелляции к допетровской эпохе¹³. Влияние идей, положенных в основу государственной идеологии, отражалось и на состоянии внешней политики, до известной степени определяло постановку целей задач в данной области. В подобной духовной атмосфере зародились, а затем и получили поддержку в «верхах» замысел экспедиции Ашинова, а также другие начинания по установлению контактов России с Эфиопией.

Говоря об этих начинаниях, необходимо отметить, что в годы, когда формировалось абиссинское направление российской политики, сторонники активных действий на этом направлении приложили немало сил для того, чтобы понять и разъяснить, какую практическую пользу (экономическую, геостратегическую) может принести России продвижение в далекую африканскую страну. Фактически их усилия не увенчались успехом. В принципе, с самого начала было понятно, что продвижение России в Эфиопию дик-

¹² См.: *Полунов А. Ю.* К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. С. 195–197, 223–239.

¹³ См.: *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. II. От Александра II до отречения Николая II. М., 2004. Часть II. Александр III и зарождение национального мифа.

туется не столько прагматическими соображениями, сколько факторами духовно-идеологического свойства¹⁴. Оказавшись, по сути дела, в изоляции на международной арене, Россия была остро заинтересована в поиске новых «младших братьев», причем таких, которые бы по свойствам своего национального характера напоминали русских, особенно лучшую их часть — простонародье. Абиссинцы же, благодаря векам изоляции от окружающего мира, предположительно сохранили качества, которые делали их похожими на русских простолюдинов, но отделяли от «испорченных» европейцев — патриархальную простоту нравов (при ярко выраженном чувстве собственного достоинства), благочестие, смирение перед высшими религиозными началами, преданность уставам церкви¹⁵.

Обращение к прошлому и настоящему Абиссинии давало русским современникам возможность по-новому осмыслить ситуацию, сложившуюся после Берлинского конгресса, и до известной степени дать ответ надменным европейцам, зачастую лишавших Россию права принадлежать к цивилизованному миру. Эфиопия, как и другие африканские страны, подчеркивали русские современники, подвергаются нападкам Европы за кажущуюся дикость. А между тем здесь, под внешним покровом бедности и отсутствия показного блеска, наверняка скрыты духовные сокровища, кото-

¹⁴ Об этом, в частности, еще в 1886 г. писал автор журнала «Наблюдатель». См.: Попов В. Абиссинский оптимизм // Наблюдатель. 1886. № 5. С. 32–34. В целом о российско-эфиопских взаимоотношениях в XIX — начале XX в. см.: Хренков А. В. Россия и Эфиопия: развитие двусторонних связей (от первых контактов до 1917 г.). М., 1992.

¹⁵ В подобных тонах абиссинцев изображали многие из побывавших в Эфиопии путешественников и авторы многочисленных изданий для народа, посвященных африканской стране. См.: Ефрем (Цветаев), архимандрит. Поездка в Абиссинию. М., 1901. С. 44, 100; Булатович А. К. С войсками Менелика II. М., 1971. С. 95, 222; Звягин К. С. Абиссиния. Чтение для народа. М., 1910. С. 13–14. Разумеется, упоминалось в данных сочинениях и о негативных чертах национального характера абиссинцев, однако говорилось, что эти черты, связанные с тяжелыми обстоятельствами истории Эфиопии, сглаживаются и скоро исчезнут. При характеристике эфиопов звучало и уподобление их детям — мотив, частый у консерваторов. «С Абиссинией надо обращаться и снисходительно, как с ребенком, и с глубоким уважением, как с христианской державой, исполняющей великое дело в Африке», — писал в 1902 г. в официальной записке знаток Эфиопии ротмистр А. К. Булатович (Российско-эфиопские отношения в XIX — начале XX в. Сборник документов. М., 1998. С. 423).

рым позавидует Европа. «Кто знает, может быть, в абиссинском богословском образовании, так мало нам известном, таятся тени этой [античной] учености, тени Оригена и Климента, тени Афанасия и Кирилла?» — вопрошал известный церковный писатель, священник Иоанн Вуколов, подчеркивая, что Абиссиния приняла христианство из Александрийского патриархата, слывшего в эпоху Вселенских соборов одним из главных центров богословской мысли¹⁶. Европейцы, писал А. К. Булатович, третируют Абиссинию как отсталую страну, а между тем она исповедовала религию Христа в то время, когда большинство европейских народов еще не вышло из состояния дикости¹⁷.

Распространенным в сочинениях русских авторов был мотив внутреннего духовного сродства русских и эфиопов. Он опирался в значительной степени на представления о единоверии двух стран — по сути ошибочное, но получившее в России широкое распространение, в том числе и в официальных кругах, и державшееся чрезвычайно прочно, несмотря на убедительные опровержения со стороны экспертов¹⁸. При разработке мотива духовного сродства обращалось внимание на сходство исторических судеб России и Эфиопии, на то, что в современном мире они оказались «изгоями», а простолюдины двух стран похожи друг на друга по своим духовным качествам¹⁹. В этих условиях неудивительной казалась спонтанно возникающая духовная близость русских и эфиопов, несмотря на этнические, лингвистические и даже расовые различия. Во время продвижения русского отряда по Абис-

¹⁶ Вуколов И., свящ. Рассказы абиссинца // Труды Киевской духовной академии. 1893. № 1. С. 113. Иоанн (в монашестве Иона) Вуколов, священник, затем — архимандрит, известный церковно-общественный деятель. Закончил Киевскую духовную академию, занимал должность настоятеля русского посольского храма в Константинополе (1899–1913) и храма-памятника русским воинам в Сан-Стефано (1913–1914).

¹⁷ Булатович А. К. Ук. соч. С. 176.

¹⁸ Полунов А. Ю. «Наши черные единоверцы»: представления о религиозной близости России и Абиссинии в конце XIX — начале XX в. // Российская история. 2015. № 2.

¹⁹ В 1880-е гг. Эфиопия, одна из немногих сохранивших независимость стран Африки, начала подвергаться натиску со стороны Италии, за которой стоял традиционный противник России — Англия. Заявления о лежащем на России моральном долге помощи «слабому», «страдающему младшему брату» стали одним из постоянно звучащих мотивов, обосновывавшим необходимость активной политики на абиссинском направлении.

синии, писал побывавший в этой стране в 1894 г. иеромонах (впоследствии архимандрит) Ефрем, эфиопские воины и вельможи подходили под благословение к русскому клирику, духовные лица оказывали ему братский прием. Сходная картина повторилась год спустя во время приезда абиссинского посольства в Россию, когда посланцы африканской страны истово молились в русских храмах, переживая восторг, сходный с чувствами послов князя Владимира в Святой Софии. Особенно, по словам Ефрема, поразили «черных единоверцев» святыни Москвы — Иверская часовня, Кремль, Успенский собор (здесь традиционный русский миф о первопрестольной столице как хранительнице древнего благочестия смыкался с новым мифом о далеких «младших братьях»)²⁰. Характерно, что преподнесенные эфиопам дары — иконы почитаемых русских святых, церковные облачения и утварь в древнерусском стиле — были наполнены символическим смыслом, отсылавшим к допетровской старине²¹.

В целом, Эфиопия в сочинениях русских авторов представляла довольно точной репликой Руси удельного и московского периода — то есть воплощением того общественного уклада, который власти в эпоху Александра III пытались воссоздать в России, при том что попытки эти, как было ясно многим современникам, не достигали цели. В далекой африканской стране, как некогда в средневековой Руси, цари и вельможи, проникнутые молитвенным настроением, заботились о религиозном и нравственном благополучии народа, монастыри выступали влиятельными центрами общественной и культурной жизни. Духовенство пользовалось авторитетом в глазах паствы, а масса населения, истово преданного церкви, строго выполняла все положенные обряды. На Пасху в Абиссинии, писал известный церковный писатель, священник

²⁰ Ефрем (Цветаев), архимандрит. Ук. соч. С. 38–44, 50, 73, 80, 123–153. Бучинский Вл., Балахнов С. (сост.) Наши черные единоверцы. СПб., 1900. С. 3–16.

²¹ Традиция преподносить «черным единоверцам» дары именно в древнерусском стиле носила весьма устойчивый характер. Экспедиция 1894 г. привезла в Эфиопию отлитый на средства русского купечества колокол, который должен был радовать абиссинцев характерным «московским звоном». Прибывшее в 1897 г. в африканскую страну официальное посольство преподнесло императрице Таиту, жене негуса Менелика II, платье «во вкусе древнерусских цариц» (ГАРФ. Ф. 694. Оп. 1. Д. 613, Л. 12. Письмо состоявшего при посольстве полковника А. К. Артамонова герцогу Г. Г. Мекленбург-Стрелицкому от 18–20 февраля 1898 г.).

Ефрем Долганев, «радость кажется разлитой повсюду. Она наполняет душу всего народа, для которого нет других интересов, кроме религиозных». Зато в пост «вся страна снимает с себя светлую одежду и изменяет свой радостный облик на печальный. В дни поста Абиссиния — это сплошной громадный монастырь, с десяти-миллионной братией»²². Духовно-нравственные достоинства далеких «черных единоверцев», таким образом, не подвергались сомнению. Каково же было их отношение к принципу самодержавной власти, составлявшему, собственно говоря, основу той идеологии, которая утверждалась в России в конце XIX и начале XX в.? Насколько политические убеждения африканских христиан вписывались в ту картину духовного единства двух стран, о которой писали русские авторы?

Беспокоиться, заявляли сторонники сближения с Эфиопией, в данном отношении было совершенно не о чем, поскольку почтение к самодержавной власти в целом, и особенно к власти русского монарха, достигало в стране «черных христиан» огромных размеров. «"Кесарь Москов", — утверждал И. Вуколов, — пользуется громадной популярностью среди всех восточных народов как могущественнейший государь и общий владыка мира»²³. «В горах полудикой Абиссинии, — писал в служебной записке официальный представитель российской дипломатии, генеральный консул в Каире М. А. Хитрово, — как и на всем Востоке, живет смутное народное предание о могущественном белом царе, имеющем прийти, рано или поздно, с отдаленного Севера на защиту и освобождение всего восточного христианства»²⁴. В сочи-

²² Долганев Е. Е. Современная Абиссиния // Богословский вестник. 1895. № 8 (2-я пагинация). С. 251, 242. Долганев Ефрем Ефремович (1874–1918), священник — известный церковно-общественный деятель, брат епископа Саратовского Гермогена. Защитил в Московской духовной академии диссертацию по истории Абиссинии (1897). Должен был участвовать в экспедиции, направленной в 1894 г. в Абиссинию (поездка по ряду причин не состоялась). Находился под духовным влиянием Иоанна Кронштадтского, служил в Петропавловском соборе в Петербурге. Расстрелян в период «красного террора».

²³ Вуколов И., свящ. Ук. соч. С. 103. Сочинение Вуколова было написано в том числе на основании бесед с абиссинским клириком Гебрэ-Крытосом, переехавшим в Россию и принявшим здесь православие под именем Христула.

²⁴ Российско-эфиопские отношения. С. 77. Записка М. А. Хитрово в Министерство иностранных дел (1885). Хитрово Михаил Александрович (1837–1896) — известный дипломат, поэт, был близок по взглядам к славянофилам. Сторонник, а возможно и инициатор экспедиции Ашинова.

нениях русских путешественников пересказывались предположительно распространенные в Эфиопии легенды о том, что русскому царю принадлежит полмира, что он одним словом может пресечь распри между народами Востока и остановить агрессию европейцев, что, согласно древнему пророчеству, «царь Севера» когда-нибудь освободит от мусульман Иерусалим и встретится с негусом Эфиопии в Египте, после чего они разделят власть над вселенной²⁵.

Тяготение африканских христиан к самодержавию, воплощением которого служила политическая система России, объяснялось не только влиянием древних легенд и военным могуществом северной державы, но и сакральным характером власти царя, соединением в его персоне духовного и светского начал — всем тем, чего были лишены конституционные владыки Запада и безрассудно следовавшие в их фарватере правители молодых государств Южной Европы. «Безверное государство и “свободная” церковь никогда не перейдут из области иллюзий в действительность, — писал известный консервативный публицист М. П. Соловьев. — Спокойную жизнь христианской церкви может обеспечить только христианское государство... Таковую церковь, сильно огражденную могущественной державой, восточные христиане могут видеть не в слабой Румынии, Сербии или Греции, а в России»²⁶. Руководствуясь подобными соображениями, русские дипломаты, работавшие в Эфиопии в конце 1890-х и начале 1900-х гг. приложили немало усилий для того, чтобы укрепить основы абиссинской государственности и власть правителя страны — негу-

²⁵ Елец Ю. Император Менелик и война его с Италией по документам и походным дневникам Н. С. Леонтьева. СПб., 1898. С. 23–34. Булатович А. К. Ук. соч. С. 125.

²⁶ Соловьев М. П. Очерки Абиссинии // Русское обозрение. 1894. №9. С. 207–208. Соловьев Михаил Петрович (1841–1901) — юрист, художник-любитель, знаток византийского искусства. Активный деятель Палестинского общества. В 1896–1900 — глава цензурного ведомства. Выдвинут на этот пост Победоносцевым как сторонник укрепления церковных начал в жизни общества, однако вскоре вышел из-под контроля своего покровителя. Пытался реализовать свой вариант «живого» самодержавия — превратить цензурное ведомство в самостоятельный правительственный орган, который через печать держал бы под контролем деятельность государственного аппарата — что привело к конфликту с Победоносцевым. См.: Цензура в России в конце XIX — начале XX в. Сборник воспоминаний. СПб., 2003. С. 151, 259.

са: способствовали более четкой демаркации границ государства, организовывали поиск полезных ископаемых на его территории, отстаивали его независимость от натиска западных государств. До известной степени эти меры способствовали сохранению суверенитета Эфиопии, которая, как известно, осталась единственным африканским государством, не попавшим под власть европейских колонизаторов. Что касается пользы от сотрудничества с Эфиопией для самой России, то здесь практические плоды выявить сложно. Скорее всего, как отмечалось выше, смысл этого сотрудничества заключался в том, что оно удовлетворяло духовные, идеологические запросы русского общества и официальных «верхов» 1880–90-х гг., отражало политическую эволюцию, которую в то время переживала Россия и в этом качестве дать заметные осязаемые результаты не могло.

Тенденции, определившиеся в правление Александра III в области внутренней и внешней политики, существенно повлияли и на царствование его преемника, особенно на тот курс, которым молодой царь пытался следовать в первое десятилетие своего правления. Во многом воплощением заветов 1880-х — начала 1890-х гг., реализацией принципов «живого» самодержавия, пусть и в более радикальной форме, были попытки Николая II утвердить свою личную волю, действовать «через голову» министров, минуя их мертвящее посредничество, узнавать «правду» о состоянии дел в стране от лиц, стоящих вне правительства — А. А. Клопова, П. А. Бадмаева, Э. Э. Ухтомского, А. М. Безобразова и др.²⁷ Влияние предыдущей эпохи сказывалось и в еще более настойчивом, чем ранее, стремлении положить в основу официальной идеологии лозунг возвращения к допетровскому прошлому, проявлением чего стало продолжавшееся строительство храмов и официальных зданий в «русском» стиле, попытки возродить московские придворные чины, облачить придворных сановников в одежды XVII в. и др.²⁸

Воплощением представлений о сакральном и одновременно народном характере царской власти должны были стать, с одной

²⁷ См.: Захарова А. Г. Кризис самодержавия накануне революции 1905 года // Вопросы истории. 1972. № 8. Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Николай II // Вопросы истории. 1993. № 2. Лукоянов И. В. Тайный корреспондент Николая II А. А. Клопов // Из глубины времен. [Вып. 6] СПб., 1996.

²⁸ Уортман Р. Сценарии власти. Т. II. Часть III. Николай и поиски национальной «персоны».

стороны, кампания по канонизации святых, контрастно выделявшая правление Николая II на фоне других царствований послепетровского периода, с другой — попытки царя выйти на прямой контакт с носителями народного благочестия, старцами и странниками, прикоснуться к источникам той религиозности, которая воспринималась как истинная, спонтанная, не формализованная.²⁹ Что касается международной арены, то здесь роль Эфиопии, постепенно отходившей на задний план, начинали играть страны и народы Центральной Азии и Дальнего Востока, установление контактов с которыми, казалось, открывало гораздо более широкие духовно-политические, да и стратегические перспективы. Интересно, что необходимость продвижения России в Азию обосновывалась примерно теми же аргументами, какими в свое время подкреплялись планы установления контактов с Эфиопией — в частности, указанием на инстинктивное почтение азиатов к власти русского царя. Народы Азии, писал еще Александру III в 1893 г. один из главных энтузиастов продвижения на Восток, тибетский врач, бурят по происхождению П. А. Бадмаев, издавна «искали покровительства, защиты, дружбы и подданства России. Они относились и ныне относятся с энтузиазмом к царствующему в России дому и беспредельно преданы ему. Весь Восток симпатизирует России, и русского царя называют на Востоке как русские подданные-инородцы, так и чужеземцы, белым царем-богатырем»³⁰.

Народы Азии — буряты, монголы, тибетцы, китайцы, индийцы — в сочинениях энтузиастов продвижения России на Восток как бы переняли эстафету у эфиопов, начали играть роль новых «младших братьев» России. При этом, в отличие от эфиопов (исповедовавших христианство, пусть и монофизитского толка), данные народы вовсе не были христианами, но это в целом не имело большого значения. Оказывалось, что народы Востока, приверженцы буддизма, конфуцианства и даже индуизма, близки русским

²⁹ Фриз Г. Церковь, религия и политическая культура на закате старого режима // Реформы или революция? Россия 1861–1917. Материалы международного colloquium историков. СПб., 1992. Warth R. D. Before Rasputin: Piety and the Occult at the Court of Nicholas II // Historian. 1985. Vol. 47. #3.

³⁰ Записка Бадмаева Александру III о задачах русской политики на азиатском Востоке (13 февраля 1893 г.) // За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева. Изд. 2-е. М., 2011. С. 58–59.

по духовному складу, своему отношению к ключевым вопросам мироздания, и этого было вполне достаточно. «Наше прошлое, — провозглашал близкий к Николаю II публицист и востоковед Э. Э. Ухтомский, — и прошлое самой типичной восточной страны (Индии) до мелочей сходны и родственны, одинаково смутны и печальны в материальном отношении, в совершенно равной мере заключают в себе залог обновленного будущего и уверенно борьбы за свои исконные права ... Там, за Алтаем и за Памиром, та же неоглядная, неисследованная, никакими еще мыслителями не осознанная допетровская Русь с ее непечатой ширью предания и неиссякаемой любовью к чудесному, с ее смиренной покорностью насылаемым за греховность стихийным и прочим бедствиям, с отпечатком, наконец, строгого величия на всем своем духовном облике»³¹.

Как и в случае с Эфиопией, энтузиасты продвижения на Восток утверждали, что Россия должна взять на себя защиту народов Азии от западных колонизаторов как в силу сходства ее исторических судеб с судьбами этих народов, так и на основании присущих ей традиций бескорыстия во внешней политике, защиты слабых, умения общаться с народами Востока на равных. В целом мотивировка продвижения России в Азию во многом воспроизводила обоснование абиссинской миссии, что говорило об утверждении в сознании русского общества и «верхов» определенных устойчивых стереотипов, являвшихся ответом на духовные запросы и потребности, формировавшиеся с середины 1870-х гг. Взгляды сторонников продвижения в Азию (позднее названных «восточниками») пользовались значительной популярностью в обществе³². Сами они (прежде всего, Ухтомский), видимо, искренне верили в выдвигаемые ими идеи, располагали в начале царствования

³¹ Ухтомский Э. Э. К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб., 1900. С. 1.

³² Исследователь творчества Э. Э. Ухтомского В. В. Суворов отмечает, что сочинения князя, посвященные странам Азии и политике России по отношению к ним, в 1890-е гг. расходились большим тиражом. В особенности это касалось знаменитого описания путешествия Николая Александровича, тогда еще наследника престола, на Восток (1890–1891), в котором князь сопровождал будущего императора. Сочинение программного характера, обосновывавшее необходимость продвижения России в Азию, писалось Ухтомским в тесном контакте с Николаем II (*Суворов В. В. Князь Э. Э. Ухтомский: жизнь, деятельность, идейное наследие. Дисс... канд. ист. наук. Саратов, 2011. С. 24, 40–42*).

Николая II заметным влиянием на царя, а предлагаемая ими политика, в первую очередь по отношению к Китаю, на первых порах увенчалась определенным успехом³³. Вместе с тем в конечном счете курс на продвижение в Азию (как и новая фаза эволюции «живого» самодержавия, в лоне которого этот курс развивался) обернулся для российской монархии тяжелыми последствиями.

Прежде всего, следует отметить, что в усложнившихся международных и внутривластных условиях второй половины 1890-х — начала 1900-х гг. попытки управлять страной в духе «живого» самодержавия — курс, в реализацию которого сторонники продвижения на Восток внесли самый непосредственный вклад — в значительной степени способствовали разбалансировке государственного аппарата, подрыву основ его деятельности. Привлечение Бадмаева и Ухтомского к осуществлению внешней политики на восточном направлении привело (если говорить о Бадмаеве) к массовой растрате государственных средств, сопровождалось неумелыми, дилетантскими действиями и в целом закончилось безрезультатно³⁴. Что же касается преемников Ухтомского и Бадмаева на ниве «неформальной дипломатии» — прежде всего, о так называемых «безобразовцах», — то их действия, поощряемые царем, привели к катастрофическим последствиям. Политика России на Дальнем Востоке, по словам современников, окончательно разделилась на «официальную» и «царскую», была утрачена координация деятельности основных государственных ведомств. Власти оказались бессильны выработать эффективный ответ на вызовы со стороны соперников России на Дальнем Востоке — европейских держав и Японии³⁵.

Идеологические конструкции, с помощью которых обосновывалась необходимость продвижения России на Восток, носили в значительной степени фантастический характер и не могли стать основой для выработки сколько-нибудь действенного курса внешней политики даже в той скромной степени, в какой подоб-

³³ Схиммельпенник ван дер Ойе. Навстречу Восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 70–101, 190–243.

³⁴ Лукьянов И. В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. СПб., 2008. С. 84–94. Схиммельпенник ван дер Ойе. Ук. соч. С. 83–86.

³⁵ Лукьянов И. В. Ук. соч. С. 413–508.

ные основы создавала сходная по характеру идеология сближения России с Эфиопией. Подводя итог, следует отметить, что в целом идеологические схемы, связанные с представлениями о необходимости развития «живого» самодержавия, и соответствующие им внешнеполитические построения сыграли неоднозначную роль в истории России. На определенном этапе ее развития они стали ответом на возникавшие в то время запросы «верхов» и части общества, в известной степени удовлетворили эти запросы. Однако в ходе последующей эволюции сами идеи и их носители неумолимо отрывались от реальности, не будучи сдержаны никакими корректирующими началами. Ужесточение международного соперничества, усложнение внутривластной обстановки в России больше не оставляло места для по-своему эффективных, но мало реалистичных концепций, привлечших в свое время внимание Александра III, Николая II и их советников. Неумение понять это привело к тяжелым последствиям на рубеже XIX–XX вв.